

ВЕЙМАР В ОЖИДАНИИ «БРЮМЕРА» (ТОСКЛИВЫЕ ЗАМЕТКИ)

Октай МАМЕДОВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

История – удивительный процесс: подобно волшебному калейдоскопу, она умудряется из одних и тех же элементов конструировать неповторимые социальные ситуации, единообразии которых дано понять только обществоведам. И то сказать, – нелегко в технологических и идеологических одеяниях разных веков разглядеть «стандартные» проблемы с набором «стандартных» решений. А ведь только в этом и состоит высшая цель научного обществознания.

Автор, рассматривая «веймарскую экономику» как синоним эпохи неустойчивого политико-экономического равновесия, приходит к выводу о том, что разрушение этого равновесного состояния обычно достигается насильственным актом (государственным переворотом) – видимостью политической стабилизации, в реальности только окончательно загоняющим ситуацию в тупик.

Основные тезисы статьи – исторические предшественники «веймара»; Директория – «веймар» XVIII века; экономический портрет «веймарской республики»; загадка веймарской системы; методологический ключ к веймарской тайне; социальная «западня» веймарства.

Ключевые слова: «веймарская экономика»; переходная эпоха; «восемнадцатое брюмера» как классика «le coup d'état».

WEIMAR AWAITING «BRUMAIRE» (THE DREARY NOTES)

Oktay MAMEDOV,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Head of the Department of Political Economy and Economic Policy,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: terraeconomicus@mail.ru

History is an amazing process: like a magic волшебному kaleidoscope, it contrives to construct unique social situations using the same elements, and only humanitarians can reveal their common features. In reality it is not always easy to see «standardized» problems accompanied by the set of «standard solutions» behind different garments of technologies and ideologies of different centuries. Meanwhile, this is the primary goal of social research.

Treating the «Weimar economy» as synonymous with the period of nonstable political and economic equilibrium, the author concludes that usually destruction of this equilibrium implies violation (the coup d'état) – which, while creating an illusion of political stabilization, actually causes the stalemate.

The main points of the article – historical antecedents of «Weimar»; Directory – «Weimar» of XVIII century; an economic portrait of the «Weimar Republic»; the mystery of the Weimar system; a methodological key to the mystery of Weimar; social «trap» of Weimar system.

Keywords: «Weimar economy»; transitive period; «The Eighteenth Brumaire» as the classical outcome of «le coup d'état».

JEL classifications: B14, N00.

**Нации, как и женщине, не прощается минута
оплошности, когда первый встречный авантюрист
может совершить над ней насилие.**

К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. С. 119

ИСТОРИЯ – ЦЕПЬ «СОЦИАЛЬНЫХ ПОМРАЧЕНИЙ»?

В жизни народов роль «социальной развилки» закреплена за периодами своего рода «политико-экономического равновесия», когда реализация корыстных интересов господствующей политической элиты умеряется противодействием иных политических сил; если бы возникающий хрупкий баланс многовластия нашёл бы воплощение в системе взаимосдерживающих властных институтов, то общество необратимо обрело бы демократическое устройство; однако такое неустойчивое равновесие обычно разрешается установлением диктатуры некоей невзрачной личности, что неизбежно оборачивается катастрофой для национальной экономики.

Из огромного числа подобных помрачений укажем на альбигойское движение (XII–XIII вв.), борьба с которым подорвала экономическое развитие Северной Италии и Южной Франции. Затем «эстафету помрачений» приняла Испания, которая так яростно проводила реконкисту, что, в конце концов, осталась без «мавров»; экономические отголоски этой «победы» до сих пор разрушительно сказываются на испанской экономике. Позже очередь дошла и до Германии, в которой борьба между Карлом V и германскими протестантскими князьями, чуть было не замирившая «Аугсбургским религиозным миром» (1555), вновь вспыхнула «Тридцатилетней войной» (1618–1648), – после неё Германия на два века фактически исчезла с политической карты Европы. А в соседней Франции в это же время вся страна неистово истребляла гугенотов, избавление от которых означало одновременно и избавление от французской экономики.

Не избежала подобных потрясений и Россия, в которой борьба между иосифлянами и нестяжателями, а затем гонения на раскольников также крайне негативно сказались на развитии русской экономики.

ДИРЕКТОРИЯ – «ВЕЙМАР» XVIII ВЕКА

По мере ускорения исторического движения периоды социальных помрачений стали концентрироваться в локализованных параметрах времени и пространства. Первым таким периодом, своего рода «Веймаром восемнадцатого века», можно считать пост-якобинскую «Директорию» (1795–1799), когда дорвавшиеся до власти разнородные политические силы не знали, как распорядиться неожиданно доставшейся победой¹.

Это были удивительные годы: невиданное напряжение сил нации в эпоху революции, достигшее своего апогея при якобинском правлении, внезапно сменилось апатией и безволием. Страна будто замерла, не зная, на что решиться. Этот исторический феномен ярко охарактеризован К. Марксом – «Буржуазные революции, как, например, революции XVIII века, стремительно несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты один ослепительнее другого, люди и вещи как бы озарены бенгальским огнем, каждый день дышит экстазом, но они скоропреходящи, быстро достигают своего апогея, и общество охватывает длительное похмелье, прежде чем оно успеет трезво освоить результаты своего периода бури» (Маркс, 1957. С. 119). Как же близко надо воспринимать историческое движение, чтобы так ярко его описывать!

«Тайна» директорской апатии скрывалась в примерном равенстве сил политических партий. Эта равновесная ситуация – основной признак «веймарского» состояния общества – могла быть разрешена только переходом к личной диктатуре. И он произошёл – в виде государственного переворота, осуществленного генералом Бонапартом восемнадцатого брюмера (9 ноября) 1799 года.

¹ Нечто подобное случилось через полтора столетия в России – от февраля до ноября 1917 г., в период так называемого двоевластия.

Директория знаменовала завершение процесса революционного преобразования политического устройства абсолютистской Франции, на который потребовалось не менее десяти лет. Это была наивысшая историческая ступень, на которую взобрался в революционном восторге французский народ, но не удержался и... рухнул – прямо в новый, наполеоновский абсолютизм.

Да и как было не рухнуть – экономика характеризовалась неуправляемым ростом цен, низкими урожаями, инфляцией, необеспеченной эмиссией ассигнаций (монеты практически вышли из обихода). Поскольку деньги перестали выполнять все монетарные функции, экономика стала погружаться в архаичное состояние, а её участники стали требовать оплаты в натуральной форме. В 1796 году выпуск ассигнаций вообще был остановлен. В следующем году были изъяты из обращения и бумажные деньги. Экономика стремительно теряла финансовый механизм функционирования. Население страдало от голода, что повышало остроту протестных волнений. В 1797 году отказом погасить две трети своих долгов правительство фактически объявило о государственном банкротстве. В 1798 косвенные налоги, отменённые в начале революции, были восстановлены (*World History at KMLA, 2004*).

Экономический хаос препятствовал установлению политической стабильности². И хотя Директорию представляли умеренные, атакуемые справа роялистами, а слева – радикалами, на стороне правительства не было никого – революционный угар прошёл, и случайные беспорядки могли изменить равновесное состояние. В этой ситуации власть мог захватить всякий, кто сделал бы ход первым. 4 сентября 1797 года «главный директор» Баррас уменьшил состав Директории до трёх персон. Однако эта репетиция государственного переворота оказалась «фальстартом» – победителем оказался генерал, уже через пять лет коронованный на должность императора.

«ВЕЙМАР» – МЁРТВОРОЖДЁННОЕ ДИТЯ

Веймарская республика³ появилась не в результате естественно-исторических «родов», а как итог сразу нескольких «кесаревых сечений» – капитуляции Германии, «Ноябрьской революции» (когда кильский мятеж привёл к отречению кайзера Вильгельма II), согласия германских властей на осуществление демократических реформ (так, как их понимали «версальские победители» – Франция, Англия, США). Проведение этих реформ и обеспечило приход к власти новой социал-демократической партии, лидер которой – Фридрих Эберт – стал первым «веймарским» канцлером Германии⁴.

Новорождённое политическое образование не устраивало ни одну из влиятельных на тот момент радикальных политических сил Германии – для правых (будущих нацистов) оно было слишком левым, а для левых (коммунистов) – слишком правым. Но и центристам (социал-демократам) было не лучше – радикалы били их с двух сторон, пока не истребили в лагерях Третьего рейха.

Недовольны были все: милитаристы и реваншисты – капитуляцией, народ – высокими репарационными платежами и территориальными потерями, радикалы обвиняли правительство в предательстве интересов трудящихся. Политическое «троеборье», принимавшее всё более ожесточённый характер, разрывало Веймарскую республику, и, протянув неприлично короткое время⁵, она исчезла, оставив только несостоявшиеся надежды⁶.

² «Мы хотим использовать все источники производства, возродить промышленность и торговлю, восстановить кредитование, обеспечить общественный порядок, а не хаос революций» – провозглашала Директория 5 ноября 1795 г. (*Planète-UMP, undated*).

³ Веймарская республика – историографическое название Германской империи в 1919–1933 гг. в честь учредительного собрания, созданного в Веймаре для принятия новой конституции (официально государство продолжало именоваться «Германская империя»).

⁴ Редкий случай – в тот день, когда Филипп Шейдеман от имени Социал-демократической партии Германии с балкона рейхстага провозгласил республику, Карл Либкнехт с балкона Berlin City Palace призвал к провозглашению Германской Советской Республики.

⁵ В качестве парламентской демократии Веймарская республика прожила всего 11 лет. В конце марта 1930 г. развалилось последнее, возглавляемое социал-демократом Херманном Мюллером, правительство большинства. Вместо прежней большой коалиции к власти пришел буржуазный кабинет меньшинства во главе с политиком от католической Партии центра Хайнрихом Брюнингом, который с лета 1930 г. правил с помощью чрезвычайных декретов рейхспрезидента, престарелого генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга (*Германия и факты, не датировано*).

⁶ «Веймарская республика явилась детищем Первой Мировой войны и версальского мира. Тот факт, что она существовала чуть более десятилетия, говорит о том, что Веймарская республика явилась образованием не только искусственным, но и нежизнеспособным в исторической перспективе. Основы её краха были заложены в её сущности и, прежде всего, экономической структуре и экономической политике. Итогом краха Веймарской республики стали установление фашистской диктатуры и приход к власти Гитлера, причем вполне демократическим путем. Ак-

Казалось бы, после шока гиперинфляции 1923 года экономическая и политическая ситуация немного стабилизировалась: в «золотых» двадцатых годах Германия была принята в Лигу Наций, нормализовался внутренний рынок, стал расти объём промышленного производства. Но Великая Депрессия быстро превратила Веймарскую республику в политический «титаник». Неслучайно три последних правительства Веймарской республики были «правительствами меньшинства», не имевшими уже никакой опоры. Назначение Гитлера с благословения крупного капитала канцлером прекратило муки Веймарской республики.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ «ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Катастрофический исход Первой мировой прервал предвоенный подъём немецкой промышленности: объём промышленного производства в 1919 году не достиг показателя 1888 года; только в 1927 году страна вышла по этому индикатору на уровень 1913 года. Тем не менее, основными статьями импорта оставались сырьё и пищевые продукты, тогда как готовая продукция и товары машиностроения составляли большую часть немецкого экспорта; одновременно сельское хозяйство сохраняло статус одной из основных отраслей экономики рейха (*Deutsches Historisches Museum, 2014; Патрушев, 2004*).

Первые послевоенные годы были наполнены специфическими проблемами – реконверсией военной промышленности и реинтеграцией демобилизованных солдат в народное хозяйство. Свиристествовала и инфляция. Однако низкая заработная плата и невысокие издержки производства помогали конкурировать немецкому экспорту по демпинговым ценам за границей. Экономика выходила на полную занятость рабочей силы. И уже с 1920 по 1922 год Германия находилась в фазе экономического бума в отличие от других промышленно развитых стран.

Крах валюты в 1923 году и спад производства вовлекли Германию в тяжёлый экономический кризис, который был усугублен оккупацией Рурской области. А далее – Великая депрессия: изъятие американских кредитов (основы первого послевоенного подъёма немецкой экономики); падение промышленного производства с 1929 до 1932 года на 40% – до уровня 1904 года; резкое сокращение внешней торговли. Вкладчики штурмуют банки, экономический спад, массовая безработица, резкое увеличение бедности – и, как следствие, НСДАП превращается в главную партию Германии. И это стало финалом веймарской неопределённости.

Наступила эпоха фашистской определённости⁷.

ЗАГАДКА ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Но, исчезнув в социальных реалиях, Веймар навсегда оставил загадку для всех отраслей общественности: поскольку история сплошь и рядом состоит из «веймаров», существует ли шанс достойно выйти из переходной политической системы, не свалившись в «18-е брюмера», – государственный переворот, устанавливающий диктатуру одной (обычно – самой реакционной) политической силы?

Это – волнующая и актуальная тайна, и все обществоведы, включая экономистов, отдают годы её решению – хотя бы в теоретической модели.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КЛЮЧ К ВЕЙМАРСКОЙ ТАЙНЕ

Известная работа К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Наполеона» (*Маркс, 1957*) посвящалась истории *coup d'état*. И хотя работа, по словам Маркса, возникла под непосредственным впечатлением событий, а исторический материал не выходил за пределы февраля 1852 года, всё, чего касается мысль гения, приобретает вневременную актуальность.

Следует отметить, что наряду с марксовой работой этому же вопросу были посвящены ещё две – «Наполеон Малый» Виктора Гюго и «Государственный переворот» Прудона.

Виктор Гюго видит в государственном перевороте лишь акт насилия со стороны отдельной личности. Прудон же стремится представить государственный переворот результатом предше-

туальным для современной России являются вопросы стабильности и прочности экономической системы, а также вопрос об иностранных кредитах. Для того, чтобы избежать ошибок, необходимо изучить экономическое развитие Германии, раскрывающее причины падения Веймарской республики» (*Гущин, 2014. С. 29*).

⁷ «Не остались в стороне и экономисты: коллективными усилиями был создан портрет германской экономики предфашистской эпохи — милитаризация, монополизм, государственный протекционизм, жажда внешнеэкономической экспансии. С тех пор совокупность названных признаков используется для диагностики реальной фашизации национальной экономики» (*Мамедов, 2011. С. 66*).

ствующего исторического развития. Но историческая конструкция государственного переворота незаметным образом превращается у него в историческую апологию героя этого переворота. Он впадает в итоге в ошибку так называемых объективных историков. И только Маркс сумел показать, каким образом классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность дюжинной смешной личности сыграть роль героя.

И вот что интересно: История поистине неистощима в своих «веймарских» шутках – то приведёт на трон достопочтенного, до поры до времени ни на что не претендовавшего, джентльмена (Кромвель), то – экзотическую личность (Наполеона Первого), то – фанатичного романтика (Робеспьера), то – шута (Наполеона Третьего), то – нарциссирующего интеллектуала (Муссолини), то – малограмотного уголовника (Сталина), то – мизантропствующего параноика (Гитлера), то... И несть числа этим историческим персонажам, которых объединяет одно – презрение и ненависть к людям, к народам, да и ко всему Человечеству.

Для обществоведов методологический ключ к анализу «веймарской ситуации» представлен следующим марксовым выводом: идея о неизбежности цезаризма является лишь поверхностной исторической аналогией, поскольку «забывают самое главное, а именно, что в Древнем Риме классовая борьба происходила лишь внутри привилегированного меньшинства, между свободными богачами и свободными бедняками, тогда как огромная производительная масса населения, рабы, служила лишь пассивным пьедесталом для этих борцов. Забывают меткое замечание Сисмонди: римский пролетариат жил на счет общества, между тем как современное общество живет на счет пролетариата. При таком коренном различии между материальными, экономическими условиями античной и современной борьбы классов и политические фигуры, порожденные этой борьбой, могут иметь между собой не более общего, чем архиепископ Кентерберийский и первосвященник Самуил» (Маркс, 1960).

Ф. Энгельс в «Предисловие к третьему немецкому изданию» (1885) названной работы Маркса специально разъяснял: «Франция – та страна, в которой историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили своё выражение её результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Ренессанса, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии тоже выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна» (Энгельс, 1961. С. 258).

Это значит, что история прихода к власти Наполеона Третьего – классическая модель любого «веймара». Действительно, по словам Энгельса, «именно Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена. Этот закон, имеющий для истории такое же значение, как закон превращения энергии для естествознания, послужил Марксу и в данном случае ключом к пониманию истории французской Второй республики» (Там же).

НЕИСТОВОЕ ВОЗВЕЛИЧИВАНИЕ ПРОШЛОГО

Свой анализ «веймарской ситуации» Маркс начинает удивительной констатацией – «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса» (Маркс, 1960. С. 376).

А дальше – методологическая пропедевтика историко-материалистического мировоззрения, которую, учитывая состояние отечественного обществознания, не грех воспроизвести полностью: «Люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых. И как раз тогда, когда люди как будто только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее и создают нечто еще небывалое, как раз в такие эпохи революционных кризисов они боязливо прибегают к заклинаниям, вызывая к себе на помощь духов прошлого, заимствуют у них имена, боевые лозунги,

костюмы, чтобы в этом освящённом древностью наряде, на этом заимствованном языке разыграть новую сцену всемирной истории. Так, Лютер переодевался апостолом Павлом, революция 1789–1814 гг. драпировалась поочередно то в костюм Римской республики, то в костюм Римской империи, а революция 1848 г. не нашла ничего лучшего, как пародировать то 1789 г., то революционные традиции 1793–1795 гг.». Эту изумительную по глубине и ясности мысль Маркс иллюстрирует примером, который так важен для будущих билингвистов – «Так, новичок, изучивший иностранный язык, всегда переводит его мысленно на свой родной язык; дух же нового языка он до тех пор себе не усвоил и до тех пор не владеет им свободно, пока он не может обойтись без мысленного перевода, пока он в новом языке не забывает родной» (*Маркс, 1957. С. 119–120*).

По прочтении этого фрагмента хочется буквально закричать – ну почему, почему современные авторы не пишут таким ясным языком, а предпочитают разного рода квазинаучные воляюпки?

*

Одним из признаков возникновения «веймарской ситуации» следует считать обращение к прошлым, как бы исконным ценностям; поскольку будущий Наполеон Третий ловко использовал в популистских целях авторитет Наполеона Первого, то это позволило Марксу сделать потрясающее обобщение – «Целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, вдруг оказывается перенесённым назад, в умершую эпоху. А чтобы на этот счет не было никакого сомнения, вновь воскресают старые даты, старое летосчисление, старые имена, старые эдикты, сделавшиеся давно достоянием учёных-антикваров» (*Маркс, 1957. С. 121*).

И такое, между прочим, повторяется в каждой веймарской ситуации. Удивительно точно эту тягу нового к переодеванию в старое подметил великий Пушкин:

*Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги;
И устарела старина,
И старым бредит новизна...*

Однако, продолжает Маркс, «социальная революция XIX века может черпать свою поэзию только из будущего, а не из прошлого. Она не может начать осуществлять свою собственную задачу прежде, чем она не покончит со всяким суеверным почитанием старины. Прежние революции нуждались в воспоминаниях о всемирно-исторических событиях прошлого, чтобы обмануть себя насчёт своего собственного содержания. Революция XIX века должна предоставить мертвецам хоронить своих мертвых, чтобы уяснить себе собственное содержание. Там фраза была выше содержания, здесь содержание выше фразы» (*Маркс, 1957. С. 122*).

Это марксово замечание тем более справедливо по отношению к социальным революциям XXI века.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАПАДНЯ ДЛЯ ВЕЙМАРСКОЙ СИСТЕМЫ

Веймар – эпоха слабости, бессилия, бездарных решений и их роковых последствий. Веймарская республика была «республикой без республиканцев», против которой яростно выступали оппоненты и которую недостаточно защищали сторонники (*Медиаспрут, не датировано*).

Из этой ситуации вытекали и способы спасения, о чём великолепно сказал Маркс – «Слабость всегда спасалась верой в чудеса; она считала врага побеждённым, если ей удавалось одолеть его в своем воображении посредством заклинаний» (*Маркс, 1957. С. 123*). Справедливость этого утверждения доказывается чуть ли не ежедневно.

Но есть более важное испытание: когда фарсовое повторение уже пройденного побеждает и народ оказывается в глупом положении, поскольку его понуждают принимать за будущее давно минувшее прошлое. Причину, по которой это может произойти, великий Маркс объяснил весьма доходчиво – «Нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда первый встречный авантюрист может совершить над ней насилие» (*Маркс, 1957. С. 119*). Можно ли сказать лучше?

А веймарская ситуация – о чём свидетельствует вся история – всегда разрешается насилием, совершаемым неприметным авантюристом.

ЭПИКРИЗ «ВЕЙМАРСКОГО СИНДРОМА»

Маркс вскрывает сущность веймарства сравнением Великой французской революции с пародией на неё в виде государственного переворота, совершённого Луи-Наполеоном, племянником императора. Он пишет – в той революции «за господством конституционалистов следует господство

жирондистов, за господством жирондистов следует господство якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более передовую. Как только данная партия продвинула революцию настолько далеко, что уже не в состоянии ни следовать за ней, ни тем более возглавлять ее, – эту партию отстраняет стоящий за ней более смелый союзник. Революция движется, таким образом, по восходящей линии.

Обратное происходит в революции 1848 года... Каждая партия лягает напирющую на неё сзади партию и упирается в спину той партии, которая толкает ее назад. Неудивительно, что в этой смешной позе она теряет равновесие и падает, корча неизбежные гримасы и выделывая удивительные курбеты. Революция движется, таким образом, по нисходящей линии» (Маркс, 1957. С. 141).

Социальное движение к реальному демократизму в период веймарского общества накрывается «отливной волной», которая теперь тащит экономику и политику вспять, а для этого требуется и «попятная» идеология. Это *славная ретирада*, как её бы поименовал великий полководец Суворов, и есть сущность веймарства.

В глубокой, специально посвящённой политико-правовой истории Веймарской республики статье А.В. Яхлова делаются фундаментальные выводы относительно опасностей, сопровождающих «веймарский синдром» – «За основу государственного устройства была взята парламентская республика, а институт президентства носил резервный характер. Учитывая возможную дестабилизацию политического строя, авторы попытались создать механизмы, гарантирующие ее стабильность. Поучительно, что они были использованы как раз для ликвидации демократии. Это пример, предупреждающий другие переходные режимы от попытки наделить какой-либо институт власти исключительными полномочиями». Не менее важным представляется вывод о том, что «ключевая проблема республики – наличие антисистемных (при этом легально действующих) партий, – как правого, так и левого спектра. По мере усиления экономического кризиса происходила радикализация настроений избирателей. В конечном итоге это стало основной причиной краха демократического режима, произведенного в полном соответствии с конституционной процедурой». И, наконец, главный вывод – «Демократическая конституция не стала препятствием для становления тоталитарной диктатуры. Парадокс состоял в том, что большинство немцев никогда не голосовало за Гитлера, но при этом ему удалось не только консолидировать нацию, но и стать ее вождем» (Яхлов, 2005).

И вот, горькое возмездие – веймарство всегда и везде завершается «восемнадцатым брюмером»⁸. Поэтому всю свою коротенькую жизнь «веймарцы» маются в ожидании прихода этой даты, как бы по-разному она ни именовалась в местном календаре.

РОССИЯ – МЕЖДУ «ВЕЙМАРОМ» И «БРЮМЕРОМ»?

Ряд характеристик роднит российскую политико-экономическую ситуацию с «веймарской».

Прежде всего, укажем на главную черту, объединяющую веймарскую и современную российскую политико-экономические системы, – ни одна из политических сил не удовлетворена существующим институциональным устройством, каждая собирается его радикально совершенствовать, и потому не только не связывает будущее страны с тем, что есть, а напротив – активно ищет это будущее (или в прошлом, или в ещё не существовавшей модели). Это значит, что все партии осознают временный, переходный характер современной политико-идеологической системы и жаждут её изменения.

Другая черта – какая-то неистово-насильственная идеализация тщательно отобранных духовных ценностей, официально объявленных исконно присущими народному менталитету.

И особо – ожесточённое неприятие мировых, апробированных моделей политического и экономического развития, ставка на некий «особый» путь развития, реализующий неизбывную любовь бюрократии к «мобилизационному вектору» движения общества.

Всё это привело многих исследователей к выводу о том, что мы переживаем «веймарский период»⁹. При этом исторические параллели бывают удивительными – «Случайно родившись, Веймарская республика не произвела каких-то значимых смыслов для реализации республиканской идеи. Она была чужда немецкому населению. И, более того, немецкое население – как обыкновенные граждане, так и интеллектуалы и политические круги – восприняли Веймарскую республику как виновницу всех бед, в которых оказалась Германия после Первой мировой войны: экономиче-

⁸ В веймарской ситуации государство, как удивительно современно подмечает Маркс, «оказывается возвращённым к своей древнейшей форме, к бесстыдно-примитивному господству меча и ярьсы» (Маркс, 1957. С. 122).

⁹ См.: (Янов, 1995); глубокий анализ общего и особенного между Веймарской республикой и современной Россией – см.: (Люкс, 2008); болгарский вариант веймарства – см.: (Варзоновцев, 2007; Олейник, 2015; Дабкин, 1998; Меерсон, Прокудин, 1995; Magref.ru, 2014).

ский, социальный и политический кризис. Во всем этом обвинили республику, а не предыдущий рейх и кайзеровскую республику» (Женин, 2013). Ну как тут не вспомнить о современной оценке реформаторов 90-х годов?!

При таком подходе абстрактные исследования веймарской коллизии и попытка найти «анти-брюмерный» способ выхода из неё приобретают особую практическую актуальность.

Веймарский период – эпоха политических иллюзий, несбывшихся экономических надежд и идеологических разочарований, под покровом которых таится ожесточённое соперничество разных групп элиты за монопольное обладание ресурсами национальной экономики, за контроль над её доходами, за монополию на власть. И каждый «веймарский» день может обернуться «18-м брюмера», – самым бесперспективным методом лечения «веймарского синдрома».

ЛИТЕРАТУРА

Варзоновцев Д. (2007). Ресентимент «АТАКА» или «Веймарский синдром»: Постановка проблемы // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 3, № 2, с. 200–207.

Германия и факты (не датировано). 1919–1933: Веймарская республика (<http://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/history/main-content-03/1919-1933-the-weimar-republic.html>).

Гущин А.А. (2014). Экономическое развитие Веймарской республики / В: *Комплев А.В., Юрина Т.В. (ред.) Национальная безопасность и государственные интересы России. Материалы VII Всерос. науч.-практ. конф.*, г. Пенза, 17 декабря 2013 г. Пенза: ГУМНИЦ ПГУ. с. 29–32.

Драбкин Я.С. (отв. ред.) (1998). Веймар – Бон. Опыт двух германских демократий и современная Россия. Серия: Россия – Германия – Европа, вып. 4. М.: Изд-во МГУ.

Женин И. (2013). Почему Веймарская республика продержалась всего 14 лет? // *ПостНаука*, 17 ноября (<http://postnauka.ru/video/19574>).

Люкс Л. (2008). «Веймарская Россия?» – заметки об одном спорном понятии // *ZN.UA*, 22 августа (http://gazeta.zn.ua/POLITICS/veymarskaya_rossiya_zametki_ob_odnom_spornom_ponyatii.html).

Мамедов О.Ю. (2011). Почему немцы голосовали за Гитлера (из истории экономических преступлений государства) // *Terra Economicus*, т. 9, № 3.

Маркс К. (1957). Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Декабрь 1851 – март 1852 г. / В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*, т. 8. М.: Государственное издательство политической литературы, 705 с., с. 115–217.

Маркс К. (1960). Предисловие ко второму изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» / В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*, т. 16. М.: Государственное издательство политической литературы, 839 с., с. 374–376.

Медиаспрут (не датировано). Веймарская республика (текст из справочника: *Kappler A. (ed.) (1998). Facts about Germany. Frankfurt am Main: Societats-Verlag*) (<http://www.mediasprut.ru/germ/story/his006.shtml>).

Меерсон Б., Прокудин Д. (1995). Веймарская республика в Германии: опасности массовизации // *Знание–сила*, № 3.

Олейник А. (2015). Угроза фашизма, или Веймарский сценарий в России // *Ведомости*, 13 февраля (<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/02/13/ugroza-fashizma>).

Патрушев А.И. (2004). Германия в XX веке. М.: Дрофа.

Энгельс Ф. (1961). Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» / В кн.: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*, т. 21. М.: Государственное издательство политической литературы, 745 с., с. 258–259.

Янов А. (1995). После Ельцина. «Веймарская» Россия. М.: КРУК, 320 с.

Яхлов А.В. (2005). Институциональный и электоральный кризисы в период демократического транзита (Веймарская республика, 1919–1933 гг.) // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, № 2, с. 211–212.

Magref.ru (2014). Веймарское государство (<http://magref.ru/veymarskoe-gosudarstvo/>).

Deutsches Historisches Museum (2014). Weimarer Republik: Industrie und Wirtschaft (<https://www.dhm.de/lemo/kapitel/weimarer-republik/industrie-und-wirtschaft.html>).

Planète-UMP (undated). Le Directoire <http://www.planete-ump.fr/t24968-Le-Directoire-1795-1799.htm>.

World History at KMLA (2004). History of France. France: The Directory, 1795–1799: the Economy (<http://www.zum.de/whkmla/region/france/france17951799ec.html>).

REFERENCES

- Drabkin Ya.S. (resp. ed.)* (1998). Weimar – Bon. The experience of two German democracies and modern Russia. Series: Russia – Germany – Europe [Opyt dvukh germanskikh demokratii i sovremennaya Rossiya. Series: Russia – Germany – Europe, issue 4. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russian.)
- Engels F.* (1961). Preface to the third German edition of the work by K. Marx, «The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte» [Predislovie k tretiemu nemetskomu izdaniyu raboty K. Marksa «Vosemnadtsatoe brumera Lui Bonaparta»] / In: *Marx K. and Engels F. Works*, vol. 21. Moscow: State publishing house of political literature, 745 p., pp. 258–259. (In Russian.)
- Germany and facts* (undated). 1919–1933: The Weimar Republic [Veimarskaya respublika] (<http://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/history/main-content-03/1919-1933-the-weimar-republic.html>). (In Russian.)
- Gishchin A.A.* (2014). Economic development of the Weimar Republic [Ekonomicheskoe razvitie Veimarskoi respubliki] / In: *Kompleev A.V. and Yurina T.V. (eds.)* Russia's national security and state interests [Natsionalnaya bezopasnost' i gosudarstvennye interesy Rossii]. Proceedings of the Conference, Penza, December 17, 2013. Penza: Penza State University, Humanities teaching methods and scientific publishing Center, pp. 29–32. (In Russian.)
- Lyuks L.* (2008). «Weimar Russia?» – notes about a disputed concept [«Veimarskaya Rossiya?» – zametki ob odnom spornom ponyatii. *ZN.UA*, August 22 (http://gazeta.zn.ua/POLITICS/veimarskaya_rossiya_zametki_ob_odnom_spornom_ponyatii.html). (In Russian.)
- Magref.ru* (2014). The Weimar Republic [Veimarskoe gosudarstvo] (<http://magref.ru/veimarskoe-gosudarstvo/>). (In Russian.)
- Mamedov O.Y.* (2011). Why did the Germans voted for Hitler (from the history of economic crimes of the state). *Terra Economicus*, vol. 9, no. 3. (In Russian.)
- Marx K.* (1957). The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte. December 1851 – March 1852 [Vosemnadtsatoe brumera Lui Bonaparta. Dekabr 1851 – mart 1852 g.] / In: *Marx K. and Engels F. Works*, vol. 8. Moscow: State publishing house of political literature, 705 p., pp. 115–217. (In Russian.)
- Marx K.* (1960). Preface to the second edition of «The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte» [Predislovie ko vtoromu izdaniyu «Vosemnadtsatoe brumera Lui Bonaparta»] / In: *Marx K. and Engels F. Works*, vol. 16. Moscow: State publishing house of political literature, 839 p., pp. 374–376. (In Russian.)
- Mediasprut* (undated). The Weimar Republic [Veimarskaya respublika] (from *Kappler A. (ed.)* (1998). Facts about Germany. Frankfurt am Main: Societats-Verlag) (<http://www.mediasprut.ru/germ/story/his006.shtml>). (In Russian.)
- Meerson B. and Prokudin D.* (1995). The Weimar Republic in Germany: danger of getting massed [Veimarskaya respublika v Germanii: opasnosti massovizatsii]. *Znanie-sila*, no. 3. (In Russian.)
- Oleynik A.* (2015). The threat of fascism, or Weimar scenario in Russia [Ugroza fashizma ili Veimarskiy stseneriy v Rossii. *Vedomosti*, February 13 (<http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/02/13/ugroza-fashizma>). (In Russian.)
- Patrushev A.I.* (2004). Germany in XX century [Germaniya v XX veke]. Moscow: Drofa Publ. (In Russian.)
- Varzonovtsev D.* (2007). Resentment «ATTACK» or «Weimar syndrome»: Problem statement [Resentiment «ATAKA» ili «Veimarskiy sindrom»: Postanovla problem]. *Political expertise [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]*, vol. 3, no. 2, pp. 200–207. (In Russian.)
- Yakhlov A.V.* (2005). Institutional and electoral crisis in the period of economic transition (The Weimar Republic, 1919–1933) [Institutsionalnyi i elektoralnyi krizisy v period demokraticeskogo tranzita (Veimarskaya respublika, 1919–1933 gg.)]. *Political expertise [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]*, no. 2, pp. 211–212. (In Russian.)
- Yanov A.* (1995). After Yeltsin. «Weimar» Russia [Posle Yeltsina. Veimarskaya Rossiya]. Moscow: KRUK Publ, 320 p. (In Russian.)
- Zhenin I.* (2013). Why did the Weimar Republic lasted only 14 years? [Pochemu Veimarskaya respublika proderzhalas vsego 14 let? *PostScience [PostNauka]*, November 17 (<http://postnauka.ru/video/19574>). (In Russian.)
- Deutsches Historisches Museum* (2014). Weimarer Republik: Industrie und Wirtschaft (<https://www.dhm.de/lemo/kapitel/weimarer-republik/industrie-und-wirtschaft.html>).
- Planète-UMP* (undated). Le Directoire <http://www.planete-ump.fr/t24968-Le-Directoire-1795-1799.htm>.
- World History at KMLA* (2004). History of France. France: The Directory, 1795–1799: the Economy (<http://www.zum.de/whkmla/region/france/france17951799ec.html>).